

**«КУЛЬТУРНАЯ ЭМИГРАЦИЯ» ИЗ ВИЛЬНЫ В МОСКВУ
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVII ВЕКА:
ОПЫТ СОЦИОКУЛЬТУРНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ**

*Работа представлена факультетом истории Европейского университета в Санкт-Петербурге.
Научный руководитель – кандидат исторических наук М. М. Кром*

Статья содержит результаты исследования русско-литовских связей второй половины XVII в. В работе была реконструирована повседневная жизнь социокультурной среды Вильны, столицы Великого княжества Литовского, под властью русских воевод (1655–1661). Рассмотрены проблемы эмиграции, адаптации и идентичности виленских ремесленников и ученых, уехавших на работу в царские палаты Кремля.

Ключевые слова: *социокультурная среда, историческая антропология, интерпретативная биография, эмиграция, «польское» влияние.*

**“CULTURAL EMIGRATION” FROM VILNA TO MOSCOW
IN THE SECOND HALF OF THE 17th CENTURY:
THE SOCIOCULTURAL INVESTIGATION**

The paper deals with the Russian-Lithuanian contacts in the second half of the 17th century. The everyday life of the social and cultural environment of Vilna, the capital of the Grand Duchy of Lithuania, in the time of the Muscovite invasion was reconstructed (1655–1661). The focus of the paper is emigration, adaptation and identity of Vilna’s craftsmen and scholars who left for Moscow and worked at the Russian Tsar Court.

Key words: social and cultural environment, historical anthropology, interpretative biography, emigration, “Polish” influence.

Победная военная кампания русского царя Алексея Михайловича против Речи Посполитой завершилась в августе 1655 г. осадой Вильны, столицы Великого княжества Литовского. Великое княжество Литовское (ВКЛ) было одним из государств, входивших в состав Речи Посполитой, и граничило с Московским царством. Война Московии и Речи Посполитой 1654–1667 гг., захват городов ВКЛ и столицы Вильны в 1655–1661 гг., знакомство русской элиты с культурой соседней страны способствовали интересу и активному заимствованию культуры Литовского княжества «москвитами». После военной кампании присутствие культуры соседнего государства, известное в науке как «польское» влияние, ощущалось во всех сферах жизни Московского царства, а особенно при дворе.

Тема «польского» влияния неоднократно поднималась в историографии XIX–XX столетий [8, с. 13–15]. Неисследованными остались следующие вопросы: как именно люди из ВКЛ попадали в Московское царство, благодаря каким связям? Были ли это лучшие творческие силы соседней страны или, наоборот, те, у кого не было возможности устроиться на работу в своем государстве? Как проходила адаптация людей творческих профессий в условиях Московского царства?

Предметом данного исследования стала социокультурная среда столиц ВКЛ и Московского государства – Вильны и Москвы. Социокультурная среда рассматривалась через биографии ее отдельных представителей – ремесленников и ученых, эмигрировавших в столицу Московского царства. Реконструкция биографий осуществлялась с

применением исторической антропологии и микроисторического подхода [11]. В изучении судеб творческих людей использовался метод интерпретативной биографии, описанный Дж. Леви [10]. Жизнь конкретного героя рассматривалась сквозь призму его социума в Вильне и Москве – коллег, родственников, заказчиков и представителей городской власти.

Хронологические рамки ограничены периодом правления русских царей Алексея Михайловича и Федора Алексеевича, больших поклонников культурных традиций Речи Посполитой.

Исследование началось с рассмотрения функционирования социокультурной среды Вильны под властью русских воевод (1655–1661). История этих шести лет из жизни столицы ВКЛ становилась предметом изучения российских, литовских и польских историков [9, с. 16–17]. В данном исследовании впервые были поставлены вопросы о способах выживания виленских мещан в данный период и о знакомстве русских людей с культурными традициями ВКЛ. Источниками послужили документы съезжей избы русского воеводы Шаховского, хранящиеся в оригиналах, черновиках и копиях в Российском государственном архиве древних актов (РГАДА), Российской национальной библиотеке (РНБ) и Российской государственной библиотеке (РГБ). Помимо этого, в работе использовались книги записей виленского магистрата 1655–1670 гг., Литовского исторического архива, а также документы о беженцах из ВКЛ на земли Королевской Пруссии из Архива Прусского культурного наследия в Берлине (GStA PK).

Во время осады города в августе 1655 г. большая часть жителей разбежалась: в поветы и воеводства ВКЛ, на земли Польской Короны и на Прусские земли, прежде всего в Кенигсберг (Królewec) и Тильзит (Tylza), пережидая смену власти в городе. Преподавателей и учеников Виленского иезуитского университета пристраивали в высшие заведения на территориях Короны Польской и Королевской Пруссии. Имена виленских беженцев на прусских землях были зарегистрированы в документах комиссии, специально созданной курфюрстом бранденбургским Фридрихом Вильгельмом [7]. Рассмотрение дел комиссии о беженцах и документов ремесленных цехов города Кенигсберга второй половины XVII в. показали, что виленские мастера не принимали гражданства этого города и не вступали в цеховые корпорации. Виленцы рассматривали русскую власть как временное явление и дожидались окончания оккупации столицы.

После захвата города и окончания морового поветрия русский воевода М. С. Шаховской старался наладить повседневную жизнь города, призывая жителей возвращаться в столицу и присягать на верность русскому царю. Часть жителей, убежавших на прусские земли, возвратилась в Вильну. Среди них были православные монахи Виленского Свято-Духова монастыря и члены виленского магистрата, возобновившие свою деятельность в Вильне в 1657 г. Практически все доходы городской казны за этот год ушли на ремонт ратуши и на починку труб городского водопровода [6, л. 47–47об.]. В это время в городе возродилось проведение традиционных религиозных праздников: Рождества Христова и праздника Божьего Тела, в которых принимали участие цеховые корпорации и городские музыканты [6, л. 46–46 об.]. В 1657 г. часть профессоров возвратилась в Вильну, в связи с чем открылся на короткий срок Виленский университет [17, с. 67]. Важную роль в функционировании города в военное время занимали оружейники, обеспечивавшие исправность оружия русской армии. Необходимо отметить, что мастера и ученые, возвратившиеся в столицу и работавшие там под московской властью, в большинстве случаев оставались в Вильне, поскольку

не имели материальных средств для проживания на более безопасных территориях.

После возвращения жителей в столицу ВКЛ русская власть занялась поиском мастеров для работы в столице Московского царства. Документально известно о двух наборах мастеров: в 1657 и 1660 г. По материалам фондов Оружейной палаты, Разрядного приказа и виленских городских книг удалось реконструировать сам процесс набора. Согласно царскому указу, первичную работу по поиску необходимых мастеровых кадров осуществлял русский воевода. Он общался с кандидатами и уговаривал их поехать в Москву [5, л. 2]. Затем приезжавший из Москвы боярин производил окончательный отбор, и увозил выбранных ремесленников вместе с семьями. При этом в книге записей Виленского магистрата был зафиксирован случай подкупа московского боярина старшинами столярного цеха (куда входили и оружейных дел мастера) с целью защиты ценных работников и отведения угрозы насильственного увоза мастеров [4].

В результате царских наборов в Оружейную палату Кремля попали 14 виленских ремесленников: ствольных и замочных дел мастера и ученики, серебряных дел мастера и ученики, ложевник, столяр [13, с. 432]. В документах Оружейной палаты выходцы из ВКЛ проходили как «немцы» (протестанты французского и немецкого происхождения) и «поляки» (католики белорусского или польского происхождения). Судя по условиям работы, предложенным русскими властями, мастера имели право вернуться на родину [13, с. 424–425]. Однако ни одного документа об отпуске мастеров Оружейной палаты в Вильну найти не удалось.

Несмотря на сохранение ими вероисповедания как залога возвращения на родину (в случае принятия православной веры они автоматически становились русскими подданными), ремесленники в Москве теряли свою идентичность. В документах Оружейной палаты «польские» мастера проходят под русскими фамилиями, соответствующими их отчеству. В случае с «немцами», их фамилии либо не указывались, либо переделывались на русский лад, вследствие чего в ряде случаев

невозможно было установить истинные имя и фамилию ремесленника. Виленский оружейник немецкого происхождения встретился в русских документах как Бартар Кинаман (Бартель, Бартер, Бартор, Балтор, Болтыр, Балтер, Кинеман, Киннаман, Кинзман), а также как Бартер или Болтыр Иванов. Варианты записи его фамилии соотносятся с несколькими немецкими фамилиями: Кинзман соответствует немецкой Kunzmann, а Кинеман – Kühnemann [18, s. 801–802, 844, 846]. Традиции оружейных дел мастеров ВКЛ удалось сохранить нескольким высококлассным немецким мастерам – Бартару Кинаману и Гансу Мейеру. Кроме того, Бартар Кинаман изготавливал сложные в техническом отношении пищали и пистолы, не имевшие аналогов у других мастеров палаты, а также бараборские, шкочкие и колесные замки [3, л. 241об.–242 об., 254–255]. Виленские ученики перенимали традиции Оружейной палаты и осваивали новые специализации. Трое виленских мещан, взятых в палату учениками, сразу по приезде в 1660 г. были отправлены в Астрахань для обучения «пансырному делу» [13, с. 432]. Лишь один из них – Якубко Яковлев – вернулся в Москву в 1664 г. и продолжил работу в Оружейной палате в качестве мастера «пансырного дела» [2]. Судьба остальных учеников из Вильны неизвестна.

Ученые-воспитанники Виленской иезуитской Академии в 60–70-е гг. XVII в. также работали при дворе русского царя. Помимо бывшего «виленского академика» Симеона Полоцкого, в Москву эмигрировал композитор и теоретик Николай Дилецкий. Ученый-музыкант оставил свои произведения: 4 редакции трактата «Музыкальная грамматика» о сочинении музыки и партесные хоровые произведения. На основе сведений из трактата и документальных источников удалось реконструировать церковно-певческую среду Вильны, обосновать единый характер этой среды, независимый от вероисповедания музыкантов. Такая ситуация была связана с обучением, наряду с католическими, православных и униатских певческих кадров в Виленской иезуитской Академии. С 1651 г.

в Академии функционировала музыкальная бурса, а в 1667 г. была открыта музыкальная кафедра, где преподавались музыкально-теоретические дисциплины. Ряд имен композиторов, упомянутых в трактате Николая Дилецкого и других источниках, имеющих отношение к композитору, – Зюска, Томаш (в монашестве Теодор) Шеверовский, законник Елисей (Ильковский), Замаревич были связаны с виленской церковно-певческой средой. «Виленский академик» Дилецкий, таким образом, мог принадлежать к данному кругу композиторов. На основании его музыкальных навыков и достижений была выдвинута гипотеза о работе Николая Дилецкого в 60–70-е гг. в качестве преподавателя кафедры музыки Виленской Академии, а также как композитора киевского униатского митрополита Гавриила Коленды (ум. 1674), чья резиденция находилась в Вильне. Поиск работы после смерти митрополита, вероятно, и явился причиной эмиграции Дилецкого в Москву.

В Московском царстве композитора взял под свое покровительство государев дьяк Т. Д. Литвинов, входивший в придворные круги через своего духовного отца – Стефана Вонифатьева, являвшегося также духовником царя Алексея Михайловича. Поиски музыкантов в Речи Посполитой в 70-е гг. были связаны с русским придворным театром [1]. Возможно, Дилецкого пригласили на должность органиста, учителя музыки детей-актеров или композитора в данный театр. Во время пребывания в Смоленске и Москве композитор оказался в кругу выходцев из Киевской митрополии – композиторов и священников Евстафия Маневского, Симеона Пекалицкого, «черкашина» Александра Стремоушеца Мезенца. Дилецкий тесно контактировал с русскими композиторами – Василием Титовым сыном Коробовым, музыкантами-теоретиками – Тихоном Макариевским и Иоанником Кореневым. Реконструкция церковно-певческой среды Москвы 1670-х гг. XVII в. дополнилась картиной борьбы старообрядцев и новообрядцев, в которой Николай Дилецкий, судя по записям в трактате, репрезентировал себя как реформатора представлений о

музыке в московских кругах и вел борьбу с «древним злом» за новое знание.

Данное исследование, выполненное в микроисторическом ключе, позволило «крупным планом» показать смену жизненных миров, которую пришлось испытать выходцам из Великого княжества Литовского. Взгляды,

поступки, отношение к окружающему миру и профессиональные знания и умения, привнесенные ими в соседнее Московское царство, постепенно изменили его изнутри и сделали возможным смену культурной парадигмы России, приближая ее к западноевропейским ценностям.

ПРИМЕЧАНИЕ

* Статья написана в рамках исследовательского проекта, поддержанного Gerda Henkel Foundation AZ 04/SR/07.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. РГАДА. Ф. 150, 1672 г. № 1. Дело полковника Николая фон Стадена о поиске мастеровых людей и документы, связанные с их приездами и увольнениями от 1 января 1672 до 1677 г. 177 л.
2. РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 9284. Л. 25–25 об. Челобитная пансырного дела мастеров о даче жалования от 24 апреля 1664 г.
3. РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 936. Опись Оружейной палаты. 707 л.
4. РГАДА. Ф. 1603. Оп. 12. Д. 14. Л. 662 об. Реестр расходов 30 марта 1660 г. столяра Петра Бернатовича от 5 сентября 1661 г.
5. РГБ. Ф. 178. № 6916. Д. 178. Отписка виленского воеводы кн. М.И.Шаховского об отказе ехать в Москву мастеров-«щипошиков», найденных в Ошмянском повете у Гаврилы, Криштопа и Петра Рудоминых, после 11 июня 1657 г. 2 л.
6. РНБ ОСРК. Ф II. 85. Л. 43–63 об. Роспись приходов и расходов Вильны за 1657–1658 гг. Копия к. XVIII в.
7. GStA PK EM 111k nr 104. S. 164–169. Volnirse Leute von der Vilna, 1656.
8. *Абцедаарский Л. С.* Белоруссия и Россия. Очерки русско-белорусских связей второй половины XVI–XVII вв. Минск: Вышэйшая школа, 1978. 255 с.
9. Памятники русской старины в западных губерниях, издаваемые с высочайшего соизволения П. Н. Батюшковым. Вып. 5. Вильна. СПб.: Мин-во вн. дел. 1872. 117 с.
10. *Леви Дж.* Биография и история // *Современные методы преподавания новейшей истории.* М.: ИВИ РАН, 1996. С. 191–206.
11. *Кром М. М.* Историческая антропология: пособие к лекционному курсу. 2-е изд., испр. и доп. СПб.: Дмитрий Буланин, 2004. 161, [5] с.
12. *Опарина Т. А.* Иноземцы в России (очерки исторической биографии и генеалогии). М.: Прогресс-Традиция, 2007. 383 [1] с.
13. Русско-белорусские связи: сб. докум. (1570–1667 гг.) / отв. ред. Л. С. Абцедаарский, М. А. Волков. Минск: Вышэйшая школа, 1963. 534 с.
14. *Седов П. В.* Закат Московского царства: царский двор конца XVII века. СПб.: Дмитрий Буланин, 2006. 603 с.
15. *Харлампович К. В.* Малороссийское влияние на великорусскую церковную жизнь. Казань: Изд. книжного магазина М. А. Голубева, 1914. Т. 1. 878 с. (+LXVI)
16. *Mejlus E.* Życie codzienne w Wilnie // *Litwa w epoce Wazyw / Pod red. W.Krieseisena i A. Rachuby.* Wyd. “Neriton” Instytut Historii PAN: Warszawa, 2006. P. 129–143.
17. *Rachuba A.* Wilno pod okupacją moskiewską w latach 1655–1661/Lithuania 2–3 (11–12), 1994. S. 62–72.
18. Die Kartei Quassowski. Buchstabe Ko-Ku. Zusammengestellt von G. Boretius (+) und B.Gramberg. Verl. für Familienforschung in Ost- u. Westpreussen: Hamburg, 1992. (VIII), 525+914, 14 s.